

Zinaida Pacholok – filologijos mokslų daktarė, Lucko universiteto „Ukraina“ Socialinės raidos instituto profesorė (Ukraina).

Moksliniai interesai: bendroji kalbotyra, psicholingvistika, kultūros studijos, regioninės studijos.

El. paštas: paholok@ukr.net.

Zinaida Pakholok: Doctor of Philology, Professor of Department of “Documentation and information activities”, Lutsk Institute of Human Development of the University “Ukraine” (Ukraine).

Research interests: general linguistics, psycholinguistics, cultural studies, regional studies.

E-mail: paholok@ukr.net.

Зинаида Пахолук

Луцкий институт развития человека Университета “Украина”

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЗАГОВОРОВ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Anotacija

Straipsnyje analizuojamos problemos, susijusios su užkalbėjimų žanro samprata, užkalbėjimų rinkimo istorija, publikavimu, jų tyrimo ištakomis Rusijoje. Daugiausia dėmesio skiriama pirmajam monografiniam šio žanro tyrimui, monografijos autoriui N. V. Kruševskui, šios monografijos vertimams į kitas kalbas ir naujiems jos leidimams.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: istoriografija, folkloras, Rusija, publikacijos, užkalbėjimų tyrimai, mitologinė mokykla, N. V. Kruševskis.

Abstract

The article deals with the issues related to the specifics of the incantation as a genre of oral folklore, history of collecting, publishing and the beginning of their studying in Russia. The main emphasis is put on the first monographic work dedicated to conspiracies. Scientific portrait of the author is represented, his work, translations and reprinting are analyzed. Features that have made the book classic are established.

KEY WORDS: historiography, folklore, Russia, collecting, publishing, incantation study-ing, the second half of the 19th century, mythological school, Mikołaj Kruszewski.

Заговоры в последнее десятилетие привлекают особое внимание ученых в связи со скрытыми, глубинными формами контактов интеллектуального мышления на уровне архетипов и в связи со стадийными проявлениями этногенеза. Ярко выраженная формализованность, заданность структуры, небольшое количество образов заговоров были выявлены еще первыми исследователями и послужили основой для выдвижения положения об архаичности жанра. Тексты заговоров принадлежат к древнейшему архаическому жанру усного народного творчества, поскольку, во-первых, отдельные формы заговорных текстов встречаются уже в древних культурах, которые находились на ранних стадиях развития. Происхождением заговорных текстов занимался украинский ученый и писатель В. П. Петров (лит. псевдонимы – В. Домонтович, В. Берг, 1894–1969), обращая внимание на то, что самые давние сведения о них содержатся “в договорах Руси с греками 944 и 977 гг. Тексты клятв, приведенные в этих договорах, указывают на их тождество с заговорами. Обычные формулы народных заговоров перенесено в текст договоров; им придано значение юридических формул, и они фигурируют в содержании документов, которые имели значение государственных актов. Начиная с XVI в., наши сведения о заговорах значительно расширяются. Судебные акты XVI–XVIII в. “<...> раскрывают перед нами обстоятельнейшую картину существования заговоров в этот период, свидетельствуют об их полной тождественности с заговорами, которые записывали этнографы в XIX–XX вв.” (Петров 1996, 126–127).

Во-вторых, заговоры всегда были тесно связаны с бытом, способствуя достижению конкретной практической цели: лечению болезни, предохранению от зла, обеспечению успеха. В основе заговоров, о чем свидетельствуют исследования современных ученых, находятся “народные мировоззренческие представления – это необычайно сложное переплетение архаичных, преимущественно языческих, христианских и более позднего происхождения представлений, в основе которых лежит не только вера в чудотворство, но и огромный опыт между поколениями людей” (Пономарьев 1991, 21).

В-третьих, сакральный характер этих текстов препятствует их изменению во времени, т.к. изменить одно слово в заговоре означало для того, кто его использует, сделать недействительным весь текст,

лишить заговор его магической силы. Изучение текстов заговоров дает ключ к пониманию многих архетипных смыслов, которые составляют основу системы мифопоэтического мышления в разных этнокультурных традициях. По этой причине исследованиями заговоров занимаются не только фольклористы, но и этнографы, историки, психологи, философы.

В России интерес к заговорным текстам как к материалу для исследования народного быта и культуры возник в XVIII веке благодаря В. Н. Татищеву (1686–1750), историку, географу, экономисту и государственному деятелю; автору капитального труда “История Российская”; основателю Ставрополя (ныне Тольятти), Екатеринбурга и Перми. Тогда же, в конце столетия, М. Д. Чулковым (1743–1792), русским издателем, писателем, историком, была осуществлена первая публикация русских заговоров (Чулков 1786).

Актуальным направлением для XIX века стало изучение различных вопросов, связанных с практической магией, т.к. появились первые сборники заговоров. В 1836 году русский этнограф-фольклорист, археолог и палеограф И. П. Сахаров (1807–1863) выпустил в свет первую, на следующий год – вторую и третью части “Сказаний русского народа”. Второе издание этого фундаментального труда было осуществлено в виде первого тома, книги 1–4, (Сахаров 1841) и второго тома, книги 5–8, (Сахаров 1849). В первом томе раздел “Русское народное чернокнижие” включал 64 заговора (Сахаров 1841, 18–35) и описание магических обрядов (Сахаров 1841, 36–70). Этот том почти сразу же был украден из Императорской публичной библиотеки в Петербурге.

Собирание заговоров приобрело широкий размах с 1845 года, когда было организовано Русское географическое общество. Этнографическое отделение при нем являлось координирующим центром, вокруг которого объединились усилия любителей старины и краеведов, живших по всей России и присылавших в архив общества свои записи и обнаруженные ими тексты.

Русский собиратель фольклора, исследователь духовной культуры славянских народов, историк и литературовед А. Н. Афанасьев (1826–1871) в 1865–1869 годах издал фундаментальный трехтомный труд, посвященный историко-филологическому анализу языка и фолькло-

ра “Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов” (Афанасьев 1865–1869).

В это же время русский исследователь истории литературы и этнограф Л. Н. Майков (1839–1900) напечатал “Великорусские заклинания”, представив 372 заклинания, расположив их в восемь групп: любовь, брак, здоровье и болезни, быт, промыслы и занятия, общественные отношения, отношение к природе и отношение к сверхъестественным силам (Майков 1869, 417–580).

Украинский этнолог, фольклорист, общественный деятель, автор слов Гимна Украины П. П. Чубинский (1839–1884) опубликовал в семи томах “Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край” (Чубинский 1871–1877), в которых были представлены верования, предрассудки, заклятия и молитвы.

Первым фольклористом, обратившимся к систематическому собиранию восточнославянских заговоров, следует считать украинского этнографа, статистика и библиографа П. С. Ефименко (1835–1908). В 1874 году он издал “Сборник малороссийских заклинаний” с 212 заклинаниями (Ефименко 1874, 1–70).

Одиночные заговоры были опубликованы Н. В. Калачевым (1819–1855) в “Архиве историко-юридических сведений, относящихся до России” (Калачев 1854, 50–57); Н. С. Тихонравовым (1832–1893) в “Летописях русской литературы и древности” (Тихонравов 1861) и “Памятниках отреченной русской литературы” (Тихонравов 1863); П. Н. Рыбниковым (1831–1885) в четырехтомных “Песнях” (Рыбников 1861–1867), отличавшихся точностью записей.

Значительное количество этнографических и фольклорных материалов, собранных уже в начале XX века, показало, что заговоры имели широчайшее распространение как в сельской, так и в городской среде. Был накоплен весьма ценный материал, работа над которым позволила исследователям ответить на многие вопросы, связанные с происхождением, развитием и особенностями бытования заговоров.

Изучение заговоров в России началось в середине XIX века, тогда же вопросы о существенных признаках заговоров, о законах их строения сразу же стали актуальными. Первые исследователи заговора не принадлежали еще к научным школам, т.к. у них не было строго

научных методов. Но тем не менее они пытались решить вопросы, до сих пор остающиеся спорными: место и время происхождения заговоров; пути их распространения; степень национального элемента в них; отношение заговоров к поэзии; смешение христианских и языческих представлений; морфология заговоров; отношение заговора к гипнотизму.

Русский филолог и искусствовед, глава русской мифологической школы Ф. И. Буслаев (1818–1897) в работе “Исторические очерки русской народной словесности и искусства” первым поставил вопрос о месте заговоров в истории литературы (Буслаев 1861). Однако наиболее острые дискуссии вызвал вопрос о происхождении заговоров. Глава мифологической школы и его последователь А. Н. Афанасьев считали, что заговоры произошли от молитв, обращенных к древним божествам (Афанасьев 1865, 141). Именно поэтому Ф. И. Буслаев рассматривал их как эпизоды древнейших эпических произведений (Буслаев 1861, 31–51). Сопоставляя заговоры с эпическими текстами, Ф. И. Буслаев впервые попытался не только найти древнейшие мифические основы заговора, но и проследить, как они менялись на протяжении веков, соединялись с христианскими молитвами. А. Н. Афанасьев основную свою задачу видел прежде всего в том, чтобы раскрыть в позднейших текстах их первоначальное содержание.

Известный профессор истории русской литературы О. Ф. Миллер (1833–1889) установил различия между заговором и молитвою: “В собственном смысле все древнейшие песни молитвенного содержания – молитвы только в переводе на позднейший язык; первоначально все они были именно заговоры, основываясь на уверенности в том, что ими враждебное будет непременно заговорено, а благоприятное – наговорено, сообразно с потребностью” (Миллер 1865, 66–67). Он первый утвердил за обрядом первоначальную и самостоятельную роль при исполнении заговора.

У истоков изучения заговоров стоял лингвист, специалист по общему и индоевропейскому языкознанию Николай Крушевский, в русской традиции Н. В. Крушевский, (6(18).12.1851–31.10(12.11).1887). Его работа “Заговоры как вид русской народной поэзии” (Крушевский 1876, 3–69), опубликованная ровно 140 лет тому, считается классической у авторов, занимающихся славянскими заговорами. Обратимся

к фактам биографии ученого, которые бесспорно способствовали созданию оригинального научного сочинения.

Н. В. Крушевский – выходец из польского дворянского рода. Его фамилия возникла от названия земельного владения Крушево, в ломжинской земле (Bonieski 1908, 358), которое произошло от слова “круш”, обозначающего в старопольском языке комок соли (SS 1960, 408). Владельцы этой местности принадлежали к гербу Абданк (Габданк, Хабданк, иначе Бялкотка, Ленкава, Скарбек, Скуба). Генеалогия Крушевских начинается с XV столетия и отражена в VI части родословной книги губерний Виленской, Волынской, Гродненской, Могилевской и книге дворян Царства Польского (СДВ 1906, 334). По национальности отец Крушевского – поляк, мать – немка. В семье говорили на польском, немецком и русском языках, что несомненно способствовало зарождению лингвистических интересов будущего ученого.

В 1862 году Н. В. Крушевский поступил в Луцкое дворянское уездное училище. Выполнив программу трех классов в 1865 году, он продолжил обучение в Холмской греко-католической гимназии, которую закончил с серебряной медалью в 1871 году. Тогда же поступил на историко-филологический факультет Варшавского университета. Н. В. Крушевский был одним из лучших студентов на факультете и как малообеспеченный получал именную стипендию Бонцевича (Благовещенский 1874, 17).

Университетские годы ознаменовались знакомством с видными учеными, сформировавшими Н. В. Крушевского как личность и профессионала. Он записался на историческое отделение, но историей занимался немного, главным образом изучал философию. Произошло это под влиянием представителя эмпирической философии М. М. Троицкого (1835–1899), введившего в научный обиход России идеи Фрэнсиса Бэкона (1561–1626), Джона Локка (1632–1704), Дэвида Гартли (1705–1757), Дэвида Юма (1711–1776), Джона-Стюарта Милля (1806–1873), Олександра Бэна (1818–1903).

В университете Н. В. Крушевский себя “считал учеником профессора Троицкого, от которого получил очень много полезного и которому обязан точным методом исследования. Огромное значение имело изучение основных логических и психологических трудов ан-

глийских философов, конспектирование этих трудов, переработка их и т.д. Это была превосходная школа мышления, побуждавшая к точной формулировке своих мыслей, а также к удачному обобщению деталей” (Бодуэн де Куртенэ 1963, 146–147). Но в 1874 году М. М. Троицкий уехал из Варшавы, т.к. был приглашен на заведование кафедры в Московский университет.

На втором курсе состоялась встреча с преподавателем кафедры римской словесности И. В. Цветаевым (1847–1913) – будущим основателем Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве, отцом русской поэтессы М. Цветаевой. Между студентом и молодым преподавателем завязались дружеские отношения, прерванныеграничной научной командировкой И. В. Цветаева в апреле 1874 года, но со временем продолженные в переписке (Пахолок 1999, 159–182).

И. В. Цветаев высоко ценил своего студента и в 1881 году в письме к профессору Киевского университета В. С. Иконникову (1841–1923) писал: “Говоря по-товарищески, я не обинуясь скажу Вам, добрейший Владимир Степанович, что я за все время моей студенческой и преподавательской жизни не видел человека столь энергичного и твердого в раз принятых намерениях. Он всегда возбуждал тем большее удивление, что работать ему приходилось при неблагоприятных условиях. <...> Кроме ученых достоинств, меня всегда привлекали и нравственные свойства этого Поляка. Чуждый неизбежной слащавости и какой-то приниженности, он всегда держался просто и резко отличался от других рациональным взглядом на вещи” (Пахолок 1999, 177–178).

Поскольку И. В. Цветаев уехал в Италию, а Н. В. Крушевский “кроме философии, очень живо интересовался языкознанием, или лингвистикой, главным образом в применении к славянским языкам” (Бодуэн де Куртенэ 1963, 147), то он начал заниматься под руководством профессора М. А. Колосова (1839–1881). Предметом научных интересов профессора были, главным образом, старославянский язык, древнерусская литература и язык, русский народный язык и устное народное творчество.

Для выпускной работы Н. В. Крушевского М. А. Колосов предложил новую тему, которая была в сфере его научных интересов, о чем свидетельствует вступительная лекция, прочитанная в конце

1870–1871 учебного года. В ней М. А. Колосов указывал: “Ясно, что если бы можно было во всех словах, которые с течением времени стали только значками понятий, восстановить первоначальный смысл корня, для нас сделалось бы понятным мировоззрение первобытного человека. Это мировоззрение, заключенное в языке, для каждого народа свое особенное. Отсюда и разница в словах, условленная разностью воспринятых от предметов впечатлений” (Колосов 1871, 244).

Под руководством научного руководителя Н. В. Крушевский освоил все тонкости лингвистического анализа, написав основательную научную работу. Позже он вспоминал: “Работая над кандидатской диссертацией, я познакомился с русской народной поэзией и вообще с народным эпосом и ним связанной лингвистикой. Психологией и лингвистикой я стал заниматься все более, думал со временем держать магистерский экзамен” (Пахолок 1999, 163).

Хотя Н. В. Крушевский и был знаком с заговорами, разбросанными в изданиях Н. В. Калачева, П. Н. Рыбникова, Н. С. Тихонравова, П. С. Ефименко, но исследовательский корпус составили заговоры, собранный в книге Л. Н. Майкова “Великорусские заклинания”. Н. В. Крушевский осознавал трудности объективного и субъективного характера. К объективным следует отнести тот факт, что в то время еще не существовало достаточно заговорных текстов и не было традиции их изучения. К проблеме заговоров, их происхождению, сущности, морфологической структуры обращались представители разных научных школ. Мифологи Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, П. С. Ефименко, А. А. Потебня (1835–1891) и другие видели в них молитвы, обращенные к древним языческим божествам. О. Ф. Миллер, опубликовавший 12 заговоров (Миллер 1866, 13–16), относил их заговоры к более древнему мифологическому периоду и выводил молитвы из заговоров. Однако перечисленные авторы обращались к заговорам попутно, рассматривая их среди других жанров устного народного творчества.

Субъективный характер трудностей у молодого автора состоял в незначительном знакомстве с народной словесностью, поэтому он объяснил, по его словам, “только то, что мог объяснить [выделено Н. В. Крушевским – З. П.]; осталось весьма много непонятого, темного, и недосмотренного” (Крушевский 1876, 3).

Сочинение Н. В. Крушевский состоит из трех частей. В первой части он попытался объяснить разницу между фольклорными произведениями и современными художественными произведениями, указал на причины, обусловившие эту разницу. По мнению исследователя, современное мирозерцание наполнено результатами строгого, логически выверенного мышления, тогда как все первобытное мирозерцание основано на действиях и смелых выводах. У первобытного человека возникало множество представлений об одном и том же явлении. Между представлениями происходил процесс комбинаций, подчиненных психологическим законам ассоциации идей. Представления со временем сложились в сплошные образы и эпизоды. Последние, соединенные в одно органическое целое, стали мировоззрением, мифологией народа. Ядро мифологии – религия, в мифическое время не существовало разницы между верованиями и знаниями.

Ученые-фольклористы пришли к выводу, что многие образы и формулы заговоров, уходящих корнями своими в глубокую древность, в процессе своего бытования получили импульс со стороны христианской традиции. Последняя зародилась в недрах иудаизма и органически восприняла наследие древних культур Средиземноморья и Ближнего Востока. Но в развитии заговоров лежат не только религиозные, но и исторические реалии того времени. Данный феномен остается одним из интереснейших как с теоретико-методологической, так и с практической точки зрения, так как обозначает собой моменты кризиса человеческого сознания, моменты поиска своего места в мире с пошатнувшимися идеалами. Изменение исторических условий жизни вызывает в социальной психологии перемены и приводит к смене умонастроения человека. Н. В. Крушевский так охарактеризовал этот процесс: “С постепенным развитием народа одно его мировоззрение сменяется другим. Смены эти совершаются или органически, или когда одно мировоззрение мало-помалу вырастает, развивается в другое, или неорганически – таким крутым переворотом, как, например, введение христианства” (Крушевский 1876, 14).

Он не обошел вниманием особенности связи первобытного языка с первобытной мыслью, указав на отражение понимания мира в произведениях народного творчества. При этом выделив два вида произ-

ведений, которые составляют материал народно-психологический и мифологический.

Также автором было подчеркнуто то, что подобным суевериям подвержены не только русские люди, но и другие народы, а также обшая ментальность и система мировоззрения этих народов.

В первобытном мышлении, по убеждению молодого исследователя, существуют общие знания (или верования), логические аксиомы, которые являются результатом перцепции; частичные знания (или верования) об одиночных предметах и явлениях, основанные на общих логических аксиомах, и определенные мифологические верования, составленные из первых двух типов.

Вторая часть работы “Заговоры как вид русской народной поэзии” посвящена возникновению и существованию заговоров, под которыми Н. В. Крушевский понимал “выраженное словами пожелание, соединенное с известным обрядом или без него, пожелание, которое должно непременно исполниться” (Крушевский 1876, 23). И тут же отмечал, что именно “пожелание”, а не “молитва”, так как часто при заговорах нет никаких указаний на божество, предполагаемое всякой молитвой. Истоки обозначаемого ими явления отнес к психологической природе человека. В заговоре автор выделил такие важные признаки, как вера в возможность навязать свою волю и вера в силу слова: “Религия в известной фазе своего развития даже характеризуется верой в возможность навязать свою волю божеству. Фаза эта – фетишизм. К эпохе фетишизма и следует отнести появление заговора” (Крушевский 1876, 23).

Н. В. Крушевский стремился связать заговоры с особенностями восприятия человеком явлений окружающей действительности, определил язык как организм, противопоставил это понимание природы языка распространенной в XIX в. теории общественного договора и пытался доказать, что язык не зависит от воли и сознания отдельных его носителей.

Почти одновременно с Н. В. Крушевским дает определение заговора и А. А. Потенция. Профессор Харьковского университета хотя и признал заговор пожеланием, но ограничил такое определение, т.к. “оно не указывает на исходную точку развития заговора, как особой формы пожелания, присоединяет к ним, например, простые про-

клятия, ругательства под условием веры в то, что они сбываются, и существенные элементы причитаний по мертвым” (Потебня 1877, 21). По мнению А. А. Потебни, определение Н. В. Крушевского слишком широко, но сам он не пытается дать понятия, обнимающего всю область рассматриваемых явлений, лишь отмежевывает заговоры от ругательств, замечая при этом, что пожелание должно иметь форму сравнения.

Одним из первых в фольклористике Н. В. Крушевский обратил внимание на такие составные композиционные части заговора, как вступительная форма: “Обыкновенно заговор начинается формулой...” (Крушевский 1876, 31) и закрепление: “В конце почти всякого заговора стоит часть, которую бы можно назвать закреплением. <...> Здесь, кажется сам народ засвидетельствовал, что силу заговора он видит именно в слове” (Крушевский 1876, 29).

Исходя из того, что первобытный человек верил в силу собственного слова, Н. В. Крушевский отмечает, что “сила заговора первоначально опиралась на веру в человеческое слово. Но на совершенно другое основание опирается сила заговора в убеждении современного простолюдина, <...> на его формальную сторону, на точное его произнесение и исполнение определенного обряда, если заговор им снабжен” (Крушевский 1876, 30). Н. В. Крушевский обращает внимание на формульность заговоров и их сопровождение обрядовым действием, устанавливает группировку по степени древности заговора, руководствуясь его формальной стороной и психологическими основаниями возникновения и эволюции заговора.

В основной, третьей части работы Н. В. Крушевский проанализировал 24 функционально-тематические заговоры, описал структуру и содержание любовных присушек, поместил заговор от зубной боли Ф.-Я. Иезберы (1829–1901) – этнографа, переводчика, преподавателя и основателя Русского этнографического музея при Варшавском университете (Крушевский 1876, 69). Исследователь сосредоточил свое внимание на любовных и лечебных заговорах, т.к. они составляют основу системы мифопоэтического мышления не только в русской, но и других этнокультурных традициях.

Анализируя русские заговоры, студент привел примеры заговоров из тринадцати языков: немецкого, греческого, латинского, русского,

чешского, английского, древнееврейского, словенского, украинского, норвежского, датского, эстонского, санскрита и польского.

Эта часть работы не имеет формального структурного характера, а представляет собой объяснение отраженной в заговорах психологии народных верований. В ней высказаны ценные наблюдения о форме и морфологической структуре заговоров.

Интересной в сочинении Н. В. Крушевского является методология исследования заговорных текстов. По его мнению, народные произведения не возникают на пустом месте, а состояются из давно существующего материала. Вследствии этого у них, как и в музыкальных произведениях, встречаются постоянно одни и те же мотивы, т.е. стереотипные приемы, которые очень слабо варьируются (Крушевский 1876, 21). Именно поэтому анализ народных текстов должен складываться из выделения таких общих мотивов как наиболее древней и наиболее существенной части произведений.

Недостаточность корпуса текстов исследователь пытался восполнить за счет собственных записей (использовал три поверья, которые записал на Волыни). Цитируем в порядке представления их в тексте: “Если продеть волос известного индивидуума сквозь голову жабы и зарыть ее в землю, то вместе с гниением волоса будет сохнуть и то лицо, с чьей головы он взят и наконец, оно должно умереть” (Крушевский 1876, 4); толкование сна “...если рыба приснится женщине, то последняя забеременеет” (Крушевский 1876, 35); “В снах луна означает замужество” (Крушевский 1876, 40–41).

Исследование талантливого студента было непосредственным переходом к изучению заговоров с позиций, близких психологическому направлению, поэтому не случайно он использовал в своем сочинении труды исследователей, которые занимались ранней стадией развития человечества. В таком подходе проявилось влияние профессора М. М. Троицкого, преподававшего древнюю философию, психологию и логику в Варшавском университете.

“Заговоры как вид русской народной поэзии” представляют собой философско-филологическое исследование. Нельзя не согласиться с мнением М. В. Черепанова (1927–2007), первого в советское время исследователя научных взглядов Н. В. Крушевского, о том, что “в этой работе уже проявилась та черта <...>, которая становится позд-

нее определяющей для всего его творчества – стремление к философскому осмыслению и максимальному обобщению фактического материала, полученного в результате исследования конкретных языковых явлений” (Черепанов 1969, 12).

Научный руководитель талантливого студента 9 июня 1875 года писал в представлении в совет историко-филологического факультета: “Сочинение Крушевского “Заговоры” имеет своим предметом тот вид народно-поэтических произведений, который всего меньше подвергался научной разработке. Это обстоятельство и – с другой стороны – то, что при выполнении своей работы автор должен был стать на зыбкую почву сравнительной мифологии, лишает многие из сделанных им выводов научной прочности, даст возможность во многом не согласиться с ним. Тем не менее <...> сочинение это заслуживает вполне внимания и одобрения факультета. Оно рекомендует автора как человека способного и мыслить, и трудиться” (АРМВ, 107).

Студенческая работа Н. В. Крушевского была отмечена не только научным руководителем, но и другими преподавателями, представлена к денежной награде и печатанию. Об этом 30 августа 1875 года сообщал ректор Варшавского университета профессор Н. М. Благовещенский (1821–1892) на торжественном заседании по случаю нового учебного года (Благовещенский 1875, 18).

Высокая оценка работы принадлежит знаменитому лингвисту И. А. Бодуэну де Куртенэ (1845–1929): “Уже здесь видна точность его мышления и основательное философское образование. Свою тему автор рассматривает с позиций теории развития. Он совсем не признает существенной разницы между так называемым первобытным и народным мышлением и интеллектом современного цивилизованного человека; наоборот, интеллект всего человеческого рода он считает однородным, цельным, допуская только разные степени его критичности. А критичность эта зависит от разницы интеллектуальных верований” (Бодуэн 1963, 155).

Н. В. Крушевский назвал свое произведение “Заговоры”. Слово “заговор” в русском языке полисемично. “Словарь русского языка XI–XVII вв.” зафиксировал употребление данного слова в таких значениях. Во-первых, оно означало общину, совокупность родственников, близких людей или единомышленников; во-вторых, тайный

сговор нескольких лиц, заговор; в-третьих, решение схода, приговор; в-четвертых, слух, молву; в-пятых, заклинание, колдовство (СРЯ 1978, 168–169). К XIX веку это слово сузило свое значение, т. к. употреблялось лишь в двух значениях (ЭС 1894, 116–121): ворожба, колдовство, нашептывание или “тайное согласие многих действовать против власти; крамола, приготовление к мятежу” (ДТС 1978, 569). Во избежание недоразумений редакция “Варшавских университетских известий” “добавила дальнейшее объяснение. Добавление это, не совсем удачное, так как Крушевский делает разбор русских заговоров и заклинаний не столько в поэтическом, сколько в мифолого-психологическом отношении” (Бодуэн 1963, 155). Так появилось название первого научного труда Н. В. Крушевский “Заговоры как вид русской народной поэзии”.

В истории науки известны случаи, когда выдающиеся личности начинали свой творческий путь с написания научной работы, посвященной заговорам. В частности, вспомним русского поэта А. А. Блока (1880–1921) и русского ученого Н. Ф. Познанского (1888–1952), словацкого фольклориста, украиниста, искусствоведа, литературоведа и библиографа М. Мушинку (род. 1936).

А. А. Блок в октябре 1906 года в Петербургском университете написал дипломную работу “Поэзия заговоров и заклинаний”. Она была этапной для его учебной деятельности, позднее вошла в собрание сочинений (Блок 1962, 36–65).

Н. Ф. Познанский в 1913 году, будучи студентом Петроградского университета, представил в Академию наук на конкурс рукопись “Попытка генетического исследования заговоров как особенного вида народного творчества” и получил премию. В 1917 г. была опубликована его книга под названием “Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул” (Познанский 1995).

М. Мушинка на втором курсе в Институте русского языка и литературы в Праге написал работу на материале, собранном в родном селе на Пряшевщине, в Восточной Словакии, “Заговоры и календарная обрядность села Куров”, которая получила высокую оценку и была опубликована в литературно-художественном журнале “Дукля” (Мушинка 1957, 80–97). Заговоры заняли достойное место в кругу разносторонних интересов М. Мушинки, который собирает, анали-

зирует и публикует свои изыскания. Он представил в “Антологии устного народного творчества украинцев Восточной Словакии” раздел “Заговоры” с тремя группами текстов лечебные, хозяйственные и семейно-бытовые (Мушинка 1967, 32–37). Объемная статья ученого “Лечебные верования в некоторых селах Бардеевского округа” опубликована на словацком языке (Mušinka 1962, 313–335). Кроме детального описания лечебных верований в ней, на основе собственных исследований в этом регионе, содержатся тексты полутора десятков лечебных заговоров и столько же магических практик для лечения отдельных болезней.

Для историографии языкознания важным событием является переиздание и перевод научных трудов, что способствует их популяризации в профессиональной сфере. Дипломное сочинение Н. В. Крушевского было переведено на польский язык Ежи Куриловичем (1895–1978) и Кристиной Поморской (1928–1986), издано в 1967 году. Однако были переведены лишь две главы (Kruszewski 1967, 151–171). Третья глава, в которой анализируются разные по тематике заговоры, не вошла в польское издание избранных работ языковеда. Точно так же третья глава была изъята в 1998 году при переиздании избранных работ Н. В. Крушевского в Москве (Крушевский 1998, 25–46).

В 2002 году впервые осуществлен полный перевод дипломного сочинения талантливого студента на украинский язык “Заговоры как вид русской народной поэзии”. Необходимость такого перевода заключалась, во-первых, в закономерности развития научных представлений о заговорах, которые будут неполными без работы, ставшей библиографической редкостью. На нее часто ссылаются, но редко цитируют отечественные и зарубежные исследователи (Крушевский 2005). Во-вторых, студенческая работа Н. В. Крушевского не утратила своей актуальности, а изложенные в ней взгляды заслуживают на внимание не только современного украиноязычного исследователя, но и широкой научной общественности, что дает возможность вписать “Заговоры как вид русской народной поэзии” в широкий научный и культурный контекст.

Подытоживая изложенное выше, необходимо считать вторую половину XIX века временем становления фольклористической традиции в изучении заговоров, возникших в глубокой древности и продо-

лжающих бытовать и в настоящее время. Собрание и публикация заговоров привели к осмыслению накопленного материала. В этот период закладываются основы русской мифологической школы в лице ее лучших представителей Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, О. Ф. Миллера, П. С. Ефименко, Л. Н. Майкова, А. А. Потебни и других. Публикуется монография Н. В. Крушевского “Заговоры как вид русской народной поэзии”, которая остается единственной теоретической разработкой до появления в начале XX века студенческого сочинения Н. Ф. Познанского “Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул”, также ставшего классическим. В первых исследованиях отмечается сосуществование вербального текста, ритуального действия и прагматическая установка заговаривающего. Заговоры выделяются в отдельный жанр устного народного творчества, чему несомненно способствовала первая монографическая работа Н. В. Крушевского, тема исследования, уровень выполнения которой продолжают оставаться в центре внимания фольклористов, лингвистов, психологов, культурологов.

Литература

- APMW – Cesarski Uniwersytet w Warszawie. *Archiwum Państwowe M. St. Warszawy*, Sygn. 385, 107–107 zvor.
- Boniecki 1908 – Boniecki Adam. *Herbarz Polski*, t. XII. Warszawa.
- Kruszewski 1967 – Kruszewski Mikołaj. *Wybór pism.* – Wrocław; Warszawa; Kraków: Zakład narodowy im. Ossolińskich: Wydawnictwo Polskiej Akademii nauk.
- Mušinka 1962 – Mušinka M. *Zdravotné povery v niektorých severovýchodných obciach Bardejovského. Nové obzory*, 3, 313–335.
- SS 1960 – *Słownik staropolski*, t. 3. Wrocław; Kraków; Warszawa: Polska Akademia Nauk.
- Афанасьев 1865–1869 – Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов*, т. 1, 1865; т. 2, 1868; т. 3, 1869. Москва.
- Благовещенский 1874 – Благовещенский Н. М. Протокол заседания Совета Императорского Варшавского университета. Заседание 29-го октября 1874 года. *Варшавские университетские известия*, 2, 3–23.
- Благовещенский 1875 – Благовещенский Н. М. Отчет о состоянии Императорского Варшавского университета за истекший 1874/5 академический год. *Варшавские университетские известия*, 5, 1–64.
- Блок 1962 – Блок А. А. Поэзия заговоров и заклинаний. *Собрание сочинений*: В 8 т., т. 5. Москва–Ленинград: Госиздат, 36–65.

- Бодуэн де Куртене 1963 – Бодуэн де Куртене И. А. Николай Крушевский, его жизнь и научные труды. *Избранные работы по языкознанию*: В 2 т., т. 1. Москва: Издательство Академии наук СССР, 146–202.
- Буслаев 1861 – Буслаев Ф. И. *Исторические очерки русской народной словесности и искусства*: В 2 т., т. 2. Санкт-Петербург.
- ДТС 1978 – Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т., т. 1: А–З. Москва: Русский язык.
- Ефименко 1874 – Ефименко Н. В. Сборник малороссийских заклинаний. *Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете*, кн. 1, 1–70.
- Калачев 1854 – Калачев Н. В. *Архив историко-юридических сведений, относящихся до России*, кн. 2. Москва.
- Колосов 1871 – Колосов М. А. Вступительная лекция. *Варшавские университетские известия*, 4, 236–251.
- Крушевский 1876 – Крушевский Н. В. Заговоры как вид русской народной поэзии. *Варшавские университетские известия*, 3, 3–69.
- Крушевский 1998 – Крушевский Н. В. *Избранные работы по языкознанию* / Сост. Ф. М. Березин; Отв. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Наследие.
- Крушевський 2002 – Крушевський М. *Замовляння як вид російської народної поезії* / Упоряд., перекл., вступ. стаття, додатки З. О. Пахолок. Луцьк: Вісник і К.
- Крушевський 2005 – *Миколай Крушевський: Біобібліографічний покажчик* / Передм., нарис, хронологія, уклад. З. О. Пахолок. Луцьк: Волинська мистецька агенція “Терен”.
- Майков 1869 – Майков Л. Н. Великорусские заклинания. *Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии*, т. 2. Санкт-Петербург.
- Миллер 1865 – Миллер О. Ф. *Опыт исторического обозрения русской словесности*, ч. 1, вып. 1. Санкт-Петербург.
- Миллер 1866 – Миллер О. Ф. *Хрестоматия к “Опыту исторического обозрения русской словесности”*, ч. 1, вып. 1. Санкт-Петербург.
- Мушинка 1957 – Мушинка М. Заговоры и календарная обрядность села Куров. *Ду-кля*, 3, 80–97.
- Мушинка 1967 – Мушинка М. В. *Замовляння. Антологія усної народної творчості українців Східної Словаччини. З глибини віків*. Пряшів, 32–37.
- Пахолок 1999 – Пахолок З. А. Плоды забвения, или Кто зажжет свечу?: (Письма Н. В. Крушевского И. В. Цветаеву). *Русский исторический вестник*, т. 2, 159–182.
- Петров 1996 – Петров В. П. *Український фольклор (Заговори, голосіння, обрядовий фольклор народно-календарного циклу)*, Берегиня, 1/2, 114–131.
- Познанский 1995 – Познанский Н. Ф. *Заговоры: (Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул)*. – Москва: Индрик.
- Пономарьов 1991 – Пономарьов А. П. Царина народної уяви та її класичні розробки. *Україну: народні вірування, повір'я, демонологія*. Київ: Либідь, 5–24.
- Потебня 1877 – Потебня А. А. Малорусская народная песня по списку XVI века. Воронеж.
- Рыбников 1861–1867 – Рыбников П. Н. *Песни*, т. 1–4. Санкт-Петербург.
- Сахаров 1841 – Сахаров И. П. *Сказания русского народа*, т. 1. Санкт-Петербург.

- Сахаров 1849 – Сахаров И. П. *Сказания русского народа*, т. 2. Санкт-Петербург.
 СДВ 1906 – *Список дворян Волынской губернии*. Житомир.
 СРЯ 1978 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 5. Москва.
 Тихонравов 1861 – Тихонравов Н. В. *Летописи русской литературы и древности*, т. 3, кн. 5–6. Москва.
 Тихонравов 1863 – Тихонравов Н. В. *Памятники отреченной русской литературы*, т. 1–2. Санкт-Петербург.
 Черепанов 1969 – Черепанов М. В. *Отражение принципов Казанской лингвистической школы в исследованиях Н. В. Крушевского*. Саратов: Саратовский государственный педагогический университет.
 Чубинский 1871–1877 – Чубинский П. П. *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Материалы и исследования*, т. 1–7. Санкт-Петербург.
 Чулков – Чулков М. Д. *Абевега русских суеверий*. 1786. Москва.
 ЭС 1894 – *Энциклопедический словарь*, т. 12: Жилы–Земпах / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Санкт-Петербург.

Zinaida Pakholok

THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE INCANTATIONS IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF OF THE 19TH CENTURY

Summary

Incantations in the last decade, has attracted particular attention of scientists in connection with the hidden, deep forms of intellectual thinking contacts at the level of archetypes, and in connection with stage manifestations of ethnogenesis. Texts of incantations belong to the most ancient ones of the archaic genre of oral folklore.

In Russia, interest for incantation texts as material for folk life and culture studies arose in the eighteenth century and became the actual direction in the science of the next century. In the second half of the nineteenth century collecting incantations have acquired a wide range according to organized Russian Geographical Society. Its ethnographic department was coordinating center around which the united efforts of local historians and lovers of antiquity, who lived across Russia, were joined. They constantly sent to the Society's archives their records and texts, found by them. At the same time, it became possible to study the various issues related to the practice of magic, because there were collections of incantations

by I. Sakharov, A. Afanasyev, L. Maikov, P. Chubinskiy, P. Yefimenko. The first researchers of incantations F. Buslayev, O. Miller had not strictly scientific methods. Nevertheless, they have put forward and tried to resolve the issues that still remained controversial. History of incantation research is closely connected with the name Mikołaj Kruszewski (in Russian N. V. Kruszewski). The authors often refer to his work “Incantations as a kind of Russian folk poetry,” written in the nineteenth century, but it is not quoted, since it has become a rarity. The work was written in the Warsaw University and was represented as a philosophical and philological research. The author made the first attempt of precise definition of incantation. N. V. Kruszewski has raised the question about the psychological basics of the incantation, he aspired to link incantations to the peculiarities of human perception of the surrounding reality, defined the language as the entity, contrasted this understanding of the nature of language that was common in the nineteenth century to social agreement theory and tried to prove that the language does not depend on the will and consciousness of its native speakers.

Valuable observations about incantations were found in A. Potebni, who throughout his scientific life was getting back to this phenomenon in the studying of myth-ritual and folklore images and symbols, as well as internal mechanisms of mytho-poetic thinking. On the contrary, N. V. Kruszewski, who devoted the first scientific work to incantations, walked away from the folklore perspective and focused exclusively on the comparative linguistics problems.

Theoretical understanding of the incantations in the second half of the XIX century led to the identification of incantations in a single genre, which undoubtedly contributed to the first monographic work of N. V. Kruszewski. The subject of the studying and the level of implementation continued to be in the center of attention of folklorists, linguists, psychologists, cultural scientists. N. V. Kruszewski’s composition became the basis of ethnographic and folklore research of many scientists, and it found the reflection in their scientific researches.

Reediting and translations into Polish and Ukrainian languages undoubtedly contribute to the popularization of the N. V. Kruszewski’s works.